

Его так измотал, а теперь ещё и отдыхать хочет?

Ну конечно, размечтался.

Хорошо хоть, что прошли сутки и швы начали затягиваться, иначе, чего доброго, у А-Лина всё разошлось бы на животе.

И верно, А-Лин, не обращая внимания ни на что другое, только и делал, что ходил за ним следом.

Размышляя об этом, Му Цзэлань прищурился, а кончики пальцев непроизвольно коснулись чего-то сквозь одежду.

— Ладно, пойду приготавливаю поесть.

В персиковых глазах Ци Цзилина заиграла улыбка — ему нравилось видеть своего неженку таким напыщенным.

Похоже... Муму больше не злится?

Не винит его за то, что так сильно над ним поиздевался?

Му Цзэлань высокомерно и холодно взглянул на него, не проронив ни слова, и позволил тому уйти.

Как только Ци Цзилин открыл дверь и вышел, он тут же ничком повалился на кровать. Растирая поясницу, он прошипел сквозь зубы:

— Настоящий ненасытный волк.

Не только поясница — даже ниже всё горело огнём, он едва не загнал его до смерти. И надо же было ему заставлять повторять имя А-Лин, чтобы он точно знал, кто именно сейчас над ним.

Ха!

Что за глупости лезут в голову? А кто это ещё мог быть, кроме него?

Неужели он мог привести в дом какого-то дикого мужчину?

Прошло восемь лет, а А-Лин ничуть не изменился, всё такой же собственник.

Полежав на кровати несколько минут, Му Цзэлань о чём-то задумался, поднялся и направился в соседнюю спальню.

Его комната соединялась с соседней, и в обеих были свои двери.

Раньше в соседней комнате жил А-Лин, но после того как тот ушёл, Му Цзэлань приказал заколотить его дверь и объединить помещения. Иногда, когда тоска по А-Лину становилась невыносимой, он приходил спать в ту комнату. Однако с приходом весны он стал заглядывать туда всё реже. Дверь же он запер лишь несколько дней назад, потому что приближалась дата их общего дня рождения, и он не хотел беречь старые раны.

Превозмогая боль, он нашёл ключ, отпер дверь, достал из шкафа постельное бельё и застелил кровать.

Он часто прибирался здесь, так что было чисто, и остаться на ночь мог любой гость.

А-Лин так его измучил, а теперь ещё хочет спать на его постели? Мечтать не вредно!

Приучать А-Лина к порядку нужно постепенно, и начать стоит с раздельных кроватей.

Закончив, он просто лёг на кровать, где раньше спал А-Лин.

Приготовив немного каши и лёгких закусок, Ци Цзилин вошёл в комнату с подносом, но обнаружил, что свет горит, а внутри никого нет.

— Муму? Брат Му?

Он нахмурился и обернулся: в соседней комнате тоже горел свет.

Закрыв за собой дверь и подойдя ближе, он увидел, что проход открыт, а запертая прежде дверь больше не препятствие.

Сначала ему показалось, что всё выглядит иначе, чем прежде. И только сейчас он вспомнил: раньше это были две раздельные комнаты, соединённые лишь окном в стене, чтобы он мог следить за состоянием Му Цзэланя. Теперь же стену снесли полностью.

Он вошёл с подносом и увидел, что Му Цзэлань лежит на кровати, укрывшись одеялом, и выглядит каким-то пришибленным.

— Почему ты перебрался сюда?

Кровать в этой комнате меньше, она всё ещё та, старая, совсем не то, что новая огромная кровать в комнате Муму.

— Ночью иди спать в ту комнату, а я останусь здесь. Ты мне никто, с чего бы мне спать с тобой в одной постели? — Му Цзэлань скосил взгляд в его сторону и холодно хмыкнул.

Собрался уходить, а теперь хочет вместе есть, вместе спать и время от времени поглощать его самого? С чего вдруг такая щедрость?

— Муму, я...

Ци Цзилин замер, его лицо почти почернело: как так, человек вернулся, а обнять его нельзя. Это была его вина, и он хотел всё объяснить.

— Что я, что я? Корми меня.

Му Цзэлань, этот гордый неженка, фыркнул, полуприподнявшись на кровати, и тон его не терпел возражений. Настоящий капризный барин, колючая королевская протeya.

Слова Ци Цзилина застряли в горле. Как же он был дерзок в ванной, и как теперь сник, став послушным и тихим.

Спорить было не с чем, оставалось лишь ответить:

— Хорошо.

И правда, всё как в поговорке: подай-принеси, да в рот положи.

Он кормил его до самой последней ложки, и только когда Му Цзэлань наелся, принялся за еду сам.

После обеда, когда Ци Цзилин вышел, чтобы убрать посуду, Му Цзэлань запер дверь в соседнюю комнату изнутри, зато распахнул дверь комнаты, где раньше жил А-Лин.

Вернувшись, Ци Цзилин увидел открытую дверь и едва не рассмеялся от злости, вынужденный войти через вход в свою бывшую спальню.

Муму специально занял его комнату и запер соседнюю дверь, чтобы следить за ним, опасаясь, что он сбежит, стоит только потерять бдительность.

— Время позднее, А-Лин, иди спи в соседнюю комнату.

Му Цзэлань, полулежа на изголовье, поманил его рукой. Он понял: в ближайшее время А-Лин никуда не денется, нужно воспользоваться моментом и как следует его выдрессировать. Кроме как в постели, потакать ему во всём остальном нельзя, чтобы не сел на шею.

— ...Хорошо.

Ци Цзилин хотел было что-то добавить, но, встретившись с холодным и полным нетерпения взглядом Му Цзэланя, почувствовал, как сжалось сердце. В конце концов, он пошёл спать в соседнюю комнату.

Без человека в объятиях сон никак не шёл.

Свет погасили, лишь лунный свет пробивался сквозь окно.

Час, два...

Он не мог уснуть, лишь полузакрыв глаза в попытке хоть немного отдохнуть.

Вдруг он услышал шум в соседней комнате и чьи-то лёгкие шаги.

Он плотно сомкнул веки и выровнял дыхание, желая узнать, что задумал Муму.

Звуки приближались, и вот Муму, судя по всему, сел на край его кровати, кончиками пальцев осторожно поглаживая его по лицу.

В лунном свете Му Цзэлань глазами и пальцами вновь и вновь очерчивал контуры лица А-Лина; во взгляде читались глубокая привязанность и собственнический инстинкт.

Движения были немыслимо нежными.

Неизвестно, как долго он так очерчивал его лицо, прежде чем остановиться. Слегка склонившись, он прижался губами к щеке Ци Цзилина, и в его охрипшем голосе слышались горечь и твёрдость:

— А-Лин, забудь свои мечты. Даже если мне будет невыносимо больно, я ни за что не позволю тебе уйти снова. Ни за что.

Когда он говорил, его тёплое дыхание обдавало лицо Ци Цзилина.

Он делал это нарочно, зная, что А-Лин вовсе не спит.

Столько лет они вместе, он прекрасно знает, когда А-Лин спит, а когда нет.

Раз А-Лин хочет притворяться — пусть притворяется. Но отпустить его он не позволит, ни за что.

Сказав это, он в тапочках вернулся в свою спальню, лёг в кровать и закрыл глаза.

Ци Цзилин слушал удаляющиеся шаги, так и не открыв глаз, но слёзы покатались по вискам, намочив подушку.

Кислая боль в груди, словно прилив, захлестнула его сердце, и подавить её было невозможно.

На следующее утро ярко светило солнце.

Му Цзэлань проснулся с ноющей болью во всём теле, но через силу заставил себя встать.

Сегодня ему нужно было выйти: он дал обещание, которое обязан сдержать. В этом заключалась его суть, его жизненный принцип.

Спускаясь с кровати, он невольно втянул воздух сквозь зубы.

— С-с-с...

Больно, ломит, тяжело.

Даже ноги немного подкашивались.

Он догадывался, что будет нелегко, но не думал, что настолько.

Ци Цзилин спал долго; возможно, после столь долгого отсутствия возвращение домой и ощущение родных стен показались ему слишком уютными.

<http://bllate.org/book/21914/2276793>